

Вы когда-нибудь пробовали спать в лесу? А в дупле дерева, скрючившись в три погибели на сумках? Для меня, такого рода опыт был первым, и повторять его мне совсем не хотелось. Я выгребся из дупла, весь покрытый древесной трухой и засохшими листьями, отчего мое настроение было откровенно поганым. Забытые в дупле сумки, за которыми мне пришлось спешно возвращаться, и отсутствие малейшего намека на завтрак окончательно убедили меня в том, что мое изменение вряд ли вызвано психическим расстройством. «По крайней мере, в <i>дурке</i> обед по расписанию!» зарычал я, квакнув пустым животом. Если вчера желудок, обремененный речной водой, не особо-то и настаивал на ужине, то сегодня бурчащий живот буквально толкал меня из стороны в сторону. К счастью, ходить далеко не пришлось – буквально через десять минут довольно непрямолинейного движения между деревьями, я наткнулся на неглубокий овраг, со дна которого мощно тянуло густым малиновым духом.

- Осень – лес – малинник! Живеееее! – с ликующим воплем, я перекатился через край оврага и, нимало не заботясь о возможных проблемах, погрузился в малиновый рай. Первый же куст встретил меня прогнувшимися почти до земли, колючими ветками, усыпанными рубиновыми ягодами. Мощная волна сладкого запаха буквально сшибала с ног, и я опомнился лишь упоенно зачавкав сладкой гроздью. Ойкая и колясь о тоненькие, но острые шипы, я набил полный рот ягодами, после чего стал аккуратно пригибать к себе тяжелые ветви передней ногой, «пылесосая» сладкие гроздья сложенными в трубочку губами, как медведь. Сначала я ел быстро и жадно, размазывая по морде и груди падающие перезрелые ягоды, однако это сразу же привлекло нездоровое внимание докучливых ос, решивших, что на мне именно для них и был запланирован банкет. Черно-желтые паразиты задолбали меня уже в первые минуты знакомства, поэтому я решил переместиться под другой куст, по дороге обтерев испачканные части тела опавшими листьями. Буквально за час я объел десяток малиновых кустов не хуже заправского топтыгина и, сыто икая, выбрался из оврага. В сидоре на моем боку лежал сверток из листьев, наполненный упругими дозревающими ягодами, в гриве застряли мелкие соринки, а в животе, (по моим ощущениям, приятно колыхавшемся где-то на уровне земли), царила ягодная вечеринка. Сладкие, с кислинкой ягоды прекрасно заменили мне еду и питье, лес наполнился звонкими птичьими трелями, и я бодро зашагал по очередной найденной мною тропинке. Настроение было приподнятым, и даже мрачные мысли о золотой коробке, периодически всплывающие в голове, не вызывали былой дрожи. «Разберемся с этим позже» - решил про себя я – «Даже если это все происходит на самом деле – разбираться с последствиями использования неопробованной магии придется не мне. У единорогов головы большие, да и рога, наверняка, не маленькие – вот пусть они свои головы и морщат!». Придя к такому философскому выводу, я резво порысил дальше, похлопывая себя крыльями по бокам.

Я чувствовал, что понемногу начинаю управлять новыми частями тела и это добавило мне радостных ощущений. Забавляясь, я начал расправлять крылья и ставить их торчком за головой, размахивать ими и, распустив всю ширь, наклонять их вниз и вверх, словно рули высоты. Складывались же они сами – стоило чуть отвлечься, и крылья с треском жестких маховых перьев сворачивались на моих боках, словно веера.

К полудню, деревья стали редеть, затем вовсе расступились, и наконец, я вышел из леса.

Куда бы я ни бросил взгляд, передо мной расстилалась бесконечная холмистая равнина, на горизонте которой высились громады гор. Утоптанная грунтовая дорога, с узкими параллельными следами колес, вилась между холмов и рощ, то огибая, то взбираясь на них.

Открытая местность подействовала на меня, как глоток холодной воды знойным летом. Крылья сами распрямились и тонким зудом под кожей умоляли взмахнуть ими, оторваться от земли и лететь, <i>лететь</i>... И я взмахнул. Ударил крыльями воздух, позволив им захватить так много ветра, как они смогут. И крылья не подвели – я буквально подпрыгнул на несколько метров вверх, и каждый взмах поднимал меня все выше и выше. Но эти судорожные рывки напоминали полет не больше чем езда на дергающемся, неисправном лифте, а душа, всего один раз побывав в воздухе, уже требовала нестись навстречу ветру, смеясь и хохоча. «Мне что, голову напекло?» – удивился кто-то внутри меня, когда я, поднявшись насколько хватило сил, расправил крылья и скользнул вниз. Несмотря на расправленные крылья, земля приближалась слишком быстро, а мои судорожные взмахи только усугубили ситуацию, отправив меня неконтролируемо кувыркаться в расступающемся воздухе. Небо и земля мелькали перед глазами, а где-то между лопатками появилось и разрослось чувство ледящего холода. Расправив в последнем судорожном рывке крылья, я закрыл глаза.

Пришел я в себя от ощущения солнца, бьющего прямо в глаза, отчего под веками полыхал настоящий калейдоскоп красок. Разноцветные круги плавали и сталкивались, стремясь вырваться из-под тяжелых, как камень, век. Я почувствовал, что лежу в довольно странной позе – на животе, широко раскидав вокруг себя руки и ноги. Ах да – у меня же теперь только ноги... Открывать глаза категорически не хотелось, тем более что рядом со мной явно находился кто-то, и этот кто-то, как я надеялся, был не враждебен. По крайней мере, мне хотелось в это верить – недобро настроенные существа обычно не гладят жертву... Видимо, от этих мягких поглаживаний по шее и спине тело расслабилось, а крылья так вообще распахнулись и лежали где-то рядышком, как две большие теплые простыни. Разомлев, я даже не вздрогнул, когда в очередной раз чья-то нога осторожно провела по правому крылу.

- «Какие большие... – скользнув по мягким перьям на сгибе крыла, копыто (а судя по ощущениям, это явно было чье-то копыто) провело по жестким маховым, заставив их выдать сухую трель – Ты только посмотри на эти перья! Основные и дополнительные – довольно жесткие, я раньше никогда таких не видела».

Голос гладившей меня был женским, его обладательница была далеко не молода. Интересно, где я и как долго я тут провалялся?

- «Агась. И цвет» – откуда-то слева присоединился второй голос – «Пятна. Больна?». Пожилой пони с надтреснутым стариковским голосом явно был не многословен.

- «Знаешь, через мои копыта прошло много земнопони, еще больше – пегасов, но такой цвет шкурки я вижу впервые. Может, травма или перенесенная в детстве болезнь...» – копыто на секунду замерло над крылом, а затем аккуратно, чтобы не разбудить, коснулось моей шеи – «А вот тут какая-то подозрительная гематома, явно получена несколько дней назад. Да и нос... С ней явно что-то приключилось, это я тебе как врач говорю».

- «Бывший» – буркнул старик (про себя я решил называть его Дед), отходя от меня куда-то

назад. «Грязная. Упала. Из леса. Надясь тройка пегасов прошмыгнула. Не их ли копыт дело?»

- «Не говори ерунды!» - копыто топнуло так близко возле моего носа, что я вздрогнул от неожиданности – «Даже если предположить, что они... мммм... *<i>поспорили</i>*, то они не стали бы лупить бедняжку до полусмерти и бросать в лес! За всю свою жизнь я не слышала о таких дискордоголовых, и не верю в это!». С этими словами, пони обошла меня и подоткнула крылья поближе к моим бокам.

- А я говорю тебе...»

Окружившие меня пони затеяли по-стариковски бессмысленный спор, я решил полежать тихо и получить необходимую мне информацию о происходящем. Да и просто слушать их было довольно весело, даже не открывая глаз. Апеллирующая к разумным (с ее точки зрения) доводам пожилая пони горячилась и доказывала, что скорее мантикоры начнут нести яйца, чем пони поднимут копыто друг на друга, как во Времена Раздора. В ответ, немногословный Дед выдавал настолько вычурные языковые перлы, что я тихо обалдевал, пытаюсь перевести их на понятный для меня язык. Куда там ЭпплДжек с ее «Na'h» и «Ma'h»* - дед изрыгал такие многосоставные слова, что заставил бы устыдиться упитую в хлам бригаду ирландских эмигрантов времен Великой Депрессии. Хлопнула, закрываясь, какая-то дверь, и голоса стали тише.

Однако долго разлеживаться мне не пришлось. На мою спину, воя и шипя, упало что-то, напоминающее взбесившуюся мочалку с кучей острых, больно царапающихся когтей. «*<i>Che za nahren?!</i>*» - от неожиданности заорал я и вскочил на ноги, пытаюсь сбросить царапающуюся мерзость, по ощущениям, пытающуюся выкраивать из моей спины ремни. Крылья непроизвольно хлопнули, и меня вновь, как в лесу, неплохо так подкинуло в воздух. Это помогло, и громко шипя, *<i>нечто</i>* слетело с моей спины, попутно деранув меня когтями по заднице. Ах так...

Если мои глаза меня не обманывали, я висел в полуметре над полом в небольшой, отделанной деревом комнате. Пара кроватей, стол и какой-то сундук богатырских размеров – это все, что бросилось мне в тот миг в глаза. Но с комнатой можно было разобраться и позже – в данный момент, все мое существо пылало жадой мести за гнусное нападение, и с негодующими воплями, я спланировал к сундуку, за которым шипел преступник.

- «*<i>3.14zdets tebe, kozlina!</i>*» - орал я, шаря передними ногами за сундуком. Копыта позволяли мне отражать большинство атак бесящегося где-то подо мной огромного черного кота, шипевшего как взбесившийся чайник, и пытающегося прорваться мимо меня в комнату – «*<i>Роумайу – chuchelo, nahren, zdelayu!</i>*». Наконец, повозившись, я изловил кота, и зажал его шею в удобно расположенной ямке между копытом и голенью, подняв перед собой. Вновь хлопнули крылья, и мы с котом поднялись в воздух. «*<i>Nu vse, ti MOY...</i>*» зловеще прошипел я на ухо сверкающей глазами скотине. Сначала мне крайне хотелось приложить агрессивного хищника об угол, но отдышавшись, я почувствовал что злость на животное уже пропала. Да и та пара престарелых пони этого бы не одобрила... Посоветавшись с самим собой, я решил набить падонку глаз, дабы не бросался на спящих людей. «*<i>Тьфу ты! На пони! Но это дела не меняет!</i>*» - буркнул я, и занес над головой злобно хрипящего кота копыто. Тот, в свою очередь, впился в мою

переднюю ногу всеми четырьмя лапами, демонстрируя свою решительность продать жизнь подороже, и вновь злобно завыл, сверкая зелеными глазищами. Наверное, так выглядела статуя «Геракл разрывает рот Писающему Мальчику» - я и кот, застывшие, ломающие друг друга взглядами.

Скрип двери заставил нас обоих повернуть головы и встретиться глазами с очень удивленными лицами хозяев. Да, я был прав – эти пони действительно были стары. Морщинистые лица выражали крайнее недоумение и в принципе, я их понимал. Зайти в свой дом и обнаружить в нем такой кавардак... Ндааа, неловко получилось.

Воспользовавшись заминкой, котяра вывернулся из моего захвата и, хлопнувшись на пол, с воем устремился прочь из комнаты, получив от меня для ускорения отличный «одиннадцатиметровый». Поджав крылья, я спустился на пол и сделал неуверенный шаг в сторону стариков. После неожиданного полета и не менее неожиданного висения в воздухе по телу гуляло странное ощущение легкости, но ноги при этом дрожали, как у записного пьяницы. К счастью, приютившие меня хозяева комнаты заметили мое состояние и видимо, приняли его за знак крайней слабости после падения.

- «Деточка! Проснулась наконец!» - взмахнув копытами, серого цвета старушка устремилась ко мне и, подталкивая крупом, заставила попятиться и лечь на низкую кровать. Взяв мою голову копытами, она несколько раз повернула и наклонила ее, затем осмотрела мои уши, в последнюю очередь заглянув зачем-то в нос. Мне оставалось только лежать и не барахтаться в мягких, но удивительно цепких копытах бабки. «Интересно, каким врачом она была?».

Ближе к вечеру, за вечерним чаем, я познакомился с четой Беррислоп. Эти пони-пенсионеры на старости лет почувствовали угасшую с годами страсть к путешествиям по Эквестрии. Отдав дом детям, они колесили по стране в небольшом фургоне. Бабушка Беррислоп, как оказалось, в молодости была известным врачом-травматологом и поставила на крыло больше пегасов-спортсменов, чем все клиники Кантерлота, в то время как Дед Беррислоп провел свою жизнь, неся службу королевского гвардейца, и немало помотался по всей Эквестрии. Эта милая чета и обнаружила мою упавшую с небес тушку.

- «Мы бы так и прошли мимо тебя, милая, если бы не мой Дед. Уж он-то в путешествиях своих много чего видел» - рассказывала старушка, в очередной раз наполняя чашки из пузатого чайника, висевшего над костром – «Холмы-то ведь разной травой покрыты, случается, что и деревьями, а твои пятна издали и не разберешь. Уж слишком хорошо укрывают, дааа. А тут Дед встал как вкопанный, и говорит - «Глянь-кась, что там на пригорке раскинулось?». И уж как углядел?»

- «Кхе-кхе» - дед был явно польщен и посмотрел на меня с хитрым прищуром - «Малина. Не бывает на холмах малины. А тут такой дух пошел...». Отхлебнув из чашки крепкого чаю, белый земнопони кивнул Бабуле – мол, продолжай – а сам стал покусывать лежащий перед ним пирог, периодически поглядывая на меня по-прежнему прищуренными глазами.

- «Ах, вот оно что!» - серая пони всплеснула копытами, и этот жест всколыхнул в мой душе какое-то теплое, очень <i>домашнее</i> чувство – «А я-то голову ломала... Ты уж не обижайся, но малиной от тебя и в правду пахнет по сию пору. Ты из-за малины сцепилась с кем-то?».

Я невольно напрягся и аккуратно опустил чашку на разложенную возле костерка скатерть. Предстояла самая тяжелая для меня часть разговора, и я пока не знал, как провести ее с минимальными для всех нас потерями. За тот вечер, что я провел с Беррислопами, я почувствовал, что могу довериться этим милым старикам, но я не мог рассказать им всей правды. Видимо, придется воспользоваться кое-какими личными наработками в сфере психологии...

Я называл такие разговоры «скольжением» - диалоги, строящиеся таким образом, что задающий вопросы собеседник сам дает на них ответы, используя собственные опыт и видение окружающей его действительности под влиянием встречных вопросов, намеков и наведенных мыслей. Удачно проведенное «скольжение» зачастую захватывает дух своей остротой не хуже прыжка с трамплина, особенно, когда на кону твое здоровье (а иногда – и жизнь). Итак, прыжок на склон...

- «Сцепилась?» - мне приходилось внимательно прислушиваться к своим собственным словам. Не приведи боги перепутать свой пол, старики крайне внимательны – «Вряд ли это можно назвать так...»

- «Ох, деточка, поверь старому врачу – просто так нос не разбивают, шею просто так не пытаются сломать. Я вот не думаю, что вы <i>там</i> (она махнула копытом куда-то вверх) из-за малинника в лесу подрались. Ты же в лесу не один день провела, ммм?».

«Tvaui j mat!» - мысленно выругался я – «Вот и первая неудача. Наблюдательность плюс развитая логика – хуже не придумать. Придется просто выкручиваться...». Опустив голову, я шмыгнул носом.

- «Два дня. В светлом лесу. Упала на границе с темным. Чуть не утонула, чудом убежала от волка. Спала в дупле древнего дуба, а потом, когда вышла из леса...»

- «Постой! Какого это дуба?» - перебил меня потерявший всякую невозмутимость дед – «Где-то в этих краях есть древний Черный Дуб. Опасный. Если заснешь – призраки сведут тебя с ума!» - он невольно поежился и подкинул в костер сухих веток.

- «Не знаю, как мне показалось – обычный старый дуб, с большим удобным дуплом. Да и призраков никаких я не заметила – только волка, от которого убежала раньше» - я пожал плечами и, прежде чем добрая, но такая внимательная старушка начнет гнуть свою линию, я решил рискнуть и пустить разговор в нужном мне направлении – «А вот как я туда наверхнулась... Помню тень надо мной... Как падала куда-то... А потом рраз – и я уже выбираюсь из реки! Весь день тошнило, и голова иногда кружится» - пожаловался я и усталился в костер, краем глаза следя за выражением лица Бабули. «Наживка закинута, крючок остер... Ну же, <i>травматолог</i>!». И старушка не подвела.

- «Не волнуйся, девонька, это пройдет. Видимо, сильный удар по голове вызвал легкое сотрясение головного мозга. Отсюда и <i>посттравматическая амнезия</i>» - увидев мои испуганные глаза («Подсечка!») она вновь взмахнула копытами – «Нет нет нет, не волнуйся - ты просто сильно ударила голову! Память же у тебя не отшибло, просто сам момент перед падением не помнишь, а это нормально. Все пройдет, это я тебе ответственно заявляю!». Я шумно выдохнул, и поднял чашку с чаем. Теперь она сама додумает симптомы и спишет на последствия перенесенной травмы все возможные странности моего поведения. Но мало было просто «легализоваться» среди пони посредством этой милой четы – мне нужна была помощь еще с одним, довольно

деликатным делом...

- «Зачем и куда я летела – я прекрасно помню. Мне пришло приглашение в Клаудсдейл, для обучения в школе для пегасов. Даже приглашение прислали» - чувствуя себя Гарри Поттером, я протянул лежавшую неподалеку бумагу. Высохнув, она все время норовила свернуться в рулон, и была незаметна в бликах костра, играющих на красной скатерти.

Видимо, это была ошибка. Прочитав бумагу, пони молча поглядели сначала друг на друга, затем – на меня. И больше взгляда от меня не отводили. Так смотрят на большую собаку без поводка – настороженно, не пропуская ни одного движения. «Да что это с ними?».

- «Девочка моя, это прислали тебе? Тебе лично?» - с лица Бабули можно было лепить маску «Внимание, крайне тяжелый пациент!». Дед не произнес ни слова, лишь подкинул в костер очередную порцию хвороста и продолжил щуриться на меня сквозь огонь.

- «Ну да. Правда, меня смутила формулировка в доку...» - договорить мне не дал дед.

- «VSPISHKA SPRAVA!!!»** - приподнявшись и вытаращив глаза, люто рявкнул он. По-русски. Тело отреагировало автоматически: удар крыльями – падение на бок с перекатом – и вот, я уже настороженно выглядываю из-за заднего колеса фургона! «Интересно, что это вообще было? Я даже ухом повести не успел, как оказался тут. Моторная память?». Дед тем временем, вновь опустил голову возле костра и улыбнулся каким-то собственным мыслям.

- «Не ожидала от старика, а?» отхлебнув чаю, он залихватски подмигнул мне – «Не единожды мою сотню перебрасывали под Сталлионград. Учили на совесть. До сих пор ноги ломит. Зато – герой. Победил бизонов. Принцесса отметила. А все ваша выучка...». Короткие рубленые фразы повисли в вечернем воздухе и казалось, даже кузнечики вокруг нас притихли, не смея прерывать какой-то очень важный момент... Но никто из нас не двинулся, и чувство необычного ушло, когда дед продолжил говорить – «Что-то блеснуло в памяти, когда тебя увидел. Крылья эти... А потом, когда услышал вашу беседу с котом – вспомнил. Правда, наш прапорщик гораздо интереснее выражался. Особенно – когда нас на учениях гонял...» - он вновь прищурился и, глядя в огонь, вновь ушел в себя. Бабуля встала, и, обойдя костер, присела рядом со мной, прижав меня к своему теплему боку.

- «Бедняжка. Значит, они тебе прислали приглашение не по своей воле, а лишь повинуюсь команде из Кантерлота» - она, как и дед, задумчиво уставилась в огонь, одной ногой поглаживая меня по голове – «Нехорошо это все. Ведь как оно раньше было – клаудсдейловцы во всеуслышание орали, что вы не пегасы, и вас они близко к себе не подпустят, пусть хоть сто чиновников из столицы приедет. Чуть не задрались тогда с вашими-то...».

- «Им из Кантерлота шепнули, что не допустят гражданской войны. А самые непокорные окажутся одни против всей мощи Сталлионграда. Уж я-то знаю...» - пробурчал дед откуда-то из-за костра. Кажется, мы начали скользить уже не по моей воле. Нужно было срочно седлать эту волну.

- «Бабушка Беррислоп, расскажи об этом! Меня же тогда, наверное, еще и не было!» - решил подлизаться я. Мне позарез нужно было узнать все, что касалось прошлого этого тела! Может, еще не все потеряно для кобылки? Или для ее души...

- «Я сама мало знаю об этом» - нахмурилась Бабуля – «Лишь обрывки разговоров и слухи. Лет двадцать назад Сталлионградцы зачем-то решили, что им позарез нужны пегасы. Клаудсдейл уже тогда был с ними в натянутых отношениях, пегасы относятся к земнопони чересчур покровительственно, а сильных и независимых сталлионградцев они вообще недолюбливают. Так сталлионградцы решили <i>вывести</i> летающих земнопони без помощи пегасов. И им это отчасти удалось. Ко мне пару раз обращались за консультациями, в основном – за информацией по нагрузкам на отдельные группы мышц и сухой статистикой самых распространенных травм. Видимо, они уже тогда решили не только добиться появления крыльев, но и немного <i>улучшить</i> будущих пони... И вот, через несколько лет, у специально отобранных пар, действительно стали появляться крылатые отпрыски. Едва попав в колыбели, они уже стали национальными героями для Сталлионградцев, зримым воплощением их усилий. А потом...» - она грустно покачала головой – «Потом что-то случилось. Крылатых детей было мало, да и не все из них, дожив до юношества, могли летать. Если я правильно помню, этот проект закрыли и больше о нем не вспоминали, на радость Клаудсдейловских заправил, отказавшим этим детям в обучении. А что говорят об этом у вас?». Надо было срочно что-то придумать...

- «У нас об этом стараются вообще не говорить» - грустно начал импровизировать я – «Я знаю около двадцати пони с крыльями, и никто из них не учился где-либо еще, кроме как в городских школах, институтах и военных городках. А уж к пегасам нас вообще не подпускают. Мы даже за черту Сталлионградской области не выбираемся. Поэтому и летать практически не умеем». Помолчав, я едва слышно прошептал задуманную в начале разговора <i>фразу – триггер</i>, использовать которую решил бы в самом крайнем случае (уж больно тревожит она бескрылые души) – «А мы умрем <i>без неба</i>»...

Костер хлопнул миллиардами искр, фонтаном взметнувшимися в ночное небо, когда Дед вскочил на ноги и со злостью швырнул в него чашку. Шипящие угли вторили хриплому шепоту Деда, раздраженно ходящему вокруг костра.

- «Совсем очумел старый!» - заговорила было Бабуля, но увидев повернувшегося к нам Деда, резко замолчала. На нас смотрел пожилой, но все еще подтянутый воин. Добродушные складки на его лице разгладились, глаза смотрели зорко и внимательно, а шаркающая походка сменилась расчетливым шагом солдата.

- «Опять они за свое!» - хрипло проговорил дед, пристально глядя на нас - «Мало им было Эры Раздора – лишь стоило Дискорду появиться вновь, как эти крылатые недоумки снова решили показать свой гонор! И на кого они замахнулись на этот раз? <i>НА НАШИХ ДЕТЕЙ!</i>». Последнюю фразу он буквально проревел, заставив костер вновь хлопнуть брызгами искр. Мы сидели не шевелясь, испуганные таким резким перевоплощением. Отвернувшись, он поднял голову к темному небу и исступленно закричал: «ГОСПОЖА! ТЫ ВИДИШЬ!»

«Ох, ёлки зеленые, что ж я наделал?» - чувство страха вновь накрыло на меня как тогда, в лесу – «Разворошил какое-то осиное гнездо старых обид, и что теперь? А ведь он в <i>ночное</i> небо это кричит, и <i>госпожу</i> призывает...». Я решил отложить этот момент на память. Старый вояка, вхожий в кулуары дворца, да еще и состоящий в каком-то тайном объединении, может быть архиполезен. Но все это время меня не

отпускало чувство беспокойства, перерастающего в липкий страх. «Да уж, сумел старик нас напугать».

Опустив голову, старый пони подошел ко мне. Глядя на него, мне подсознательно захотелось сделать равнение налево и отдать честь, но я просто встал и смотрел на него, откладывая в памяти образ на фоне искрящего костра. Подойдя, Дед Беррислоп положил копыто на мое плечо и тихо, но очень отчетливо произнес:

- Я стар, девочка. Очень стар. Но меня держит на этом свете обещание. Его я дал не так давно одной... Очень достойной госпоже. Я буду учить тебя основам полета. Я водил под началом сотню пони и десяток пегасов. Я смогу научить летать. А *хорошо* летать ты научишься уже сама» - он обнял меня и до хруста в позвонках прижал к своей морщинистой шее – «Но запомни - *ты не умрешь без неба!*»

*Видоизмененные диалектом слова американского английского.

** Одна из команд, подающихся в условиях ночного боя.